

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМЯТИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА

6 августа 2017 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался Борис Григорьевич Юдин – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», член Редакционного совета журнала «Идеи и Идеалы». Ниже мы публикуем воспоминания об этом замечательном человеке людей, хорошо знавших его и работавших с ним.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ: НА СМЕРТЬ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА (1943–2017)

П.Д. Тищенко
Институт философии РАН,
Москва, Россия
ptishchenko@bioethics.ru

В воскресенье 6 августа 2017 г. умер Борис Григорьевич Юдин. До последних часов он размышлял над еще не решенными проблемами, спорил, планировал. Его непосредственной заботой была подготовка международной конференции «Биотехнологии улучшения человека: социальные и этические аспекты», запланированная на 12–13 октября 2017 г. Так получилось, что в пятницу и субботу мы с Е.Г. Гребенщи-

ковой, П.Д. Тищенко и Б.Г. по интернет-почте и скайпу готовили вводную статью к сборнику тезисов этой конференции. Он был спокоен и как всегда ироничен, немного уставший... Утром в субботу прислал свой вариант статьи. В 18:43 прочел предложения Е.Г. Гребенщиковой и одобрительно ответил: «Вперед и с песней!». В полночь внес небольшую правку. Через несколько часов его не стало...

Возможно, это воспоминание покажется слишком личным, мелким перед лицом столь громадной катастрофы, как смерть. Но мне представляется, что в этом рассказе – ключ к пониманию философии Б.Г. Его завораживала загадочность сдвига, возможность сказать что-то по-иному, раскрыть для себя и другого (читателя, слушателя) что-то новое. Он был принципиально антидоктринален. Даже когда (не без влияния Э.Г. Юдина и В.Н. Садовского) он писал диссертацию по проблемам самоорганизации в русле системного анализа, его больше интересовала не общая теория систем, а системное движение, спор по поводу возможности общей теории. В момент возникновения системное движение предлагало не просто новые идеи, а новый язык для того, чтобы начать рассуждать в философии вне связи с языком советской философии. Этот язык открывал новую реальность, аутентично сопрягался с научным языком новой техногенной эпохи, был готов впитать и выразить весь творческий потенциал идей, не вмещавшихся в марксистские рамки. Очень многие, разочаровавшись в «единственно истинном» языке марксизма, нашли в системном анализе язык, на котором истина выговаривает саму себя. Какую проблему ни возьми, она превращалась в головоломку, для которой уже есть универсальная эвристическая отмычка. Но творческие ресурсы системного подхода достаточно быстро оказались исчерпанными, его просто заболтали так же, как раньше заболтали диалектику, а сегодня забалтывают синергетику. Как только системное движение кристаллизовалось в научное направление, стало институционализированным, его эта тема перестала интересовать.

Не знаю, как Б.Г. сам для себя осознавал эту ситуацию, но в конце 70-х годов он об-

ращался к новым темам и связанным с ними языкам философии. Он первым в нашей стране заговорил о проблемах философии науки, содействовал переводам классиков в этой области. Вместе с И.Т. Фроловым опубликовал первую и до сих пор единственную на русском языке книгу по этике науки. Но эти опыты освоения и трансплантации в русскую философскую речь новых языковых ресурсов и тематизаций не были поисками новой истинной философии, предполагающей наличие какой-либо общей теории. Нет, просто опыт освоения нового языка, на котором можно иначе выразить содержание проблем, реально стоящих перед человеком, оказался важным сам по себе – перед лицом реальных проблем, а не просто дисциплинарных головоломок (в смысле Т. Куна). В то время зазвучали «глобальные проблемы» и в качестве не просто теоретических, но жизненно-практических вернулись «старые» проблемы: проблема человека, его здоровья, экологии, морального достоинства.

Помню, в одной из аудиторий его спросили: «Неужели вы отрицаете возможность построения общей системной теории человека?». Он ответил: «Нет. Я даже готов сам что-то предложить к обоснованию возможности общей теории человека (всеобщей антропологии). Единственное, что я еще утверждаю, так это то, что таких антропологий может быть бесконечно много... И когда мы сталкиваемся с реальными проблемами человека, то ни одна общая теория не спасает». Любая теория интересна не сама по себе, а в той степени, в которой она предлагает разумные ответы на вопросы, которые ставит перед нами реальная жизнь. Подобного рода «философский прагматизм» не случаен, если мы учтем, что первые шаги в философии Б.Г. делал в семинаре Г.П. Ще-

дровицкого, который пытался реализовать марксистский тезис о том, что жизнь надо не объяснять, а изменять. Поэтому смысл гуманитарного знания не теоретичен, а технологичен. В своих публикациях Б.Г. неоднократно обращался к идеям Щедровицкого, подчеркивая, что они во многом опередили свое время. Но именно в том времени, еще переполненном миазмами тоталитаризма, оставался неприемлемый для Б.Г. пафос единственно истинного учения, который мы без труда найдем и у Э.В. Ильенкова, и у Г.П. Щедровицкого, и у М.К. Мамардашвили, несмотря на все различия в стилистике его выражения.

Философия Б.Г. принципиально отличается от философии Щедровицкого не столько представлением о смысле знания и познания (здесь различия можно снять в общем предпонимании), сколько исходной установкой, признающей не просто возможность, но необходимость присутствия в опыте другого субъекта как принципиально инакомыслящего. Отличается неискоренимым любопытством к особенностям и непонятностям мыслей других – философов, ученых, политиков. Не отрицая важности инструментального плана проективной деятельности, Б.Г. сохраняет теоретически и реализует практически коммуникативный аспект преобразующего мир действия.

Поэтому философия Б.Г. – это не концепция, а его особый, философский образ жизни. Идея старая, ее выразил достаточно ясно еще Аристотель. Идеи в голове философа нужны для того, чтобы преобразовать не столько внешний мир, сколько свой собственный. Реализовать себя в присутствии другого, в мире в целом. Сегодня, когда онтологическое и этическое предположение о возможности единого закона для неба и

для морали поставлено под сомнение ходом жизни, у философии остается последнее (первое) основание – найти его в самой себе. Как и искусство может найти основание лишь в себе. Как и наука.

Формой жизни, в которой Б.Г. нашел себя, оказалась биоэтика. Чтобы понять смысл биоэтики, нужно поначалу исключить из рассмотрения ближайший смысл доброго отношения к животным и даже к жизни в целом. Изначален иной импульс мысли: первый постулат биоэтики – это запрет на претензию единоличного свидетельства от имени жизни с точки зрения чьей-то научной (медицинской, биологической), философской, богословской или любой другой позиции. Всё то, что мы можем знать о жизни и смерти, о нормальном и патологическом, о разумном и безумном, о благом и злом – обретается только в нашем совместном коммуникативном усилии понимания и различения. И это второй постулат биоэтики.

У Б.Г. не найдешь не только окончательного, но и промежуточного решения по любой конкретной проблеме, касающейся геномики, новых репродуктивных технологий, экспериментов на людях или пересадки органов. Читатель получает возможность поместить себя в сложную ситуацию спора, оппозиций различных точек зрения. Он не принуждается ни рационально, ни аффективно к тому, чтобы принять одну из них. Ему предоставляется возможность быть собой, высказать своим голосом свое понимание различия добра и зла в конкретных медицинских ситуациях. Философ (биоэтик) – это, воспользуясь терминологией Ю. Хабермаса, «местоблюститель» особого места встречи самых разных идей и мнений. Он же – «коммуникатор» (переводчик) и «фасилитатор» дискуссий. С огром-

ным удовольствием Б.Г. участвовал в работе разного рода биоэтических комитетов – отечественных, европейских, американских, азиатских, воплощая именно этот подход. В его работах роль философа и философии в современной науке осмыслялась в категориях биоэтического анализа, социогуманитарной экспертизы, социогуманитарного сопровождения биомедицинских инновационных проектов. В последних публикациях он развивал идеи технонауки, различая в ней внутренний (лаборатории в широком смысле) и внешний (образование, бизнес, правительство, общество) контуры.

Идеи технонауки как бы возвращают творчество Б.Г. к начальным опытам философствования в кружке Г.П. Щедровицкого. Но здесь есть радикальное отличие. Можно сказать, что современная наука (прежде всего биология и медицина) при всём своем механистическом и инструментальном отношении к жизни начинает включать в себя как существенно необходимую философскую рефлексию. Философия получает совсем иной статус по отношению к науке: она не просто объясняет, а изменяет, гуманитаризирует научную деятельность. В 2015 г. мы с Б.Г. опубликовали в «Вопро-

сах философии» статью о европейской конференции по проблемам развития конвергентных технологий, которую он назвал «Звездный час философии», указав на новую роль философии в современной науке. Критическая философская рефлексия включается в контекст новой научной рациональности, которую В.С. Стёпин назвал постнеклассической. Международный проект «Геном человека», в котором Б.Г. участвовал как основной эксперт-биоэтик от нашей страны, впервые включил исследование этических, правовых и социальных условий и последствий реализации достижений науки в финансирование самих научных проектов. БГ руководил несколькими проектами в этой области, был членом этического комитета российского проекта «Геном человека». Следует подчеркнуть, что все современные научные мегапроекты с необходимостью включают критическую философскую рефлексию в контекст научного рационализма современного типа. Так, возникновение нейронауки сопровождается и обеспечивается нейроэтикой.

Борис Григорьевич достойно прожил свою жизнь, красиво и плодотворно.

Вечная ему память!

Павел Дмитриевич Тищенко, доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН